

В дальнейшем мы надеемся продолжить исследования компьютерного сленга с точки зрения его полевой структуры и расширить спектр используемого материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. 1984. Т. 41. № 4.
2. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990.
3. Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998.
5. Howe Denis. The Free On-line Dictionary of Computing. <http://www.foldoc.org>.
6. Raymond Eric. Jargon File: The New Hacker's Dictionary, ver. 4.4.1. <http://catb.org/esr/jargon/>.
7. Сусов И. П. Системные связи между единицами лексикона // В кн.: Введение в теоретическое языкознание. http://homepages.tversu.ru/~ips/3_04.htm.
8. Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1978.
9. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., 1986.
10. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. М., 1981.
11. Кузнецов А. М. Проблемы компонентного анализа в лексике. М., 1980.
12. Кунин А. В. Английская лексикология. М., 1940.
13. Маковский М. М. Английские социальные диалекты. М., 1982.
14. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
15. Хомяков В. А. Введение в изучение слэнга — основного компонента английского просторечья. Вологда, 1971.

Людмила Вениаминовна КУШНИНА —
доцент кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации
Пермского государственного
технологического университета,
кандидат филологических наук

Гипотеза о формировании и динамическом развитии переводческого пространства

УДК 81'25.

АННОТАЦИЯ. В статье выдвигается гипотеза о том, что процесс перевода может быть проанализирован как система, имеющая свою организацию — переводческое пространство, которое можно трактовать как проявление специфической переводческой картины мира.

The article presents a following hypothesis: the process of translation may be analyzed as a system with its own organization — 'translator space' — which may be interpreted as display of specific translators perception of the world.

Предметом проводимого исследования является переводческое пространство — термин, впервые введенный в употребление, который определяется как форма бытия межъязыкового и межкультурного взаимодействия, как проявление переводческой картины мира [1].

Современная фундаментальная наука находится в поисках категорий, которые непротиворечиво объясняют основные тенденции ее развития и базируются на понятиях, составляющих основу мироздания. Пространственно-временной континуум является важнейшим атрибутом материи, способствующим описанию ее динамических взаимодействий. Пространство является неотъемлемым свойством предметов и явлений, к числу которых относятся язык, мышление, речь, текст. Межъязыковые взаимодействия также базируются на фундаментальных закономерностях человеческого бытия, развертывающегося во времени и пространстве. Осмысление категории пространства привело нас к мысли, что переводческое пространство — фундаментальная категория межъязыкового динамического процесса.

Если текстовое пространство довольно широко представлено в лингвосомиотических исследованиях [2], то переводческое пространство как концепт до сих пор не являлось предметом специального рассмотрения. М. М. Бахтин ввел термин хронотоп, что позволяет отнести текст к некоторому множеству текстов с общими пространственно-временными признаками. Пространство текста понимается как обобщенное отражение реально изображаемого пространства. Ю. М. Лотман расценивал пространство текста как семиотическое пространство, как индивидуальную модель мира. Пространство текста имеет свои границы, в рамках которых содержится кодовый ключ для адекватного понимания текста. Б. А. Успенский понимает пространство текста как результат взаимодействия множества точек зрения: автора, персонажа, получателя, причем точки зрения могут совпадать и различаться. В. И. Топоров определяет пространство текста как категорию предельного обобщения, где объединены реальность, человек, текст, слово. Смысл текста представляется автору как путь, совершаемый интерпретатором текста внутри семантического пространства последнего.

Вслед за Ю. М. Лотманом, мы предполагаем, что в рамках переводческого пространства также содержится кодовый ключ для адекватного понимания смысла исходного текста и порождения текста перевода. Переводческое пространство отражает существенные признаки процесса перевода. Его описание поможет раскрыть механизм транспонирования множества смыслов при переводе и представить одну из возможных моделей процесса перевода. Мы полагаем, что оптимальным результатом транспонирования смыслов при переводе является достижение гармонии, которое осуществляется в рамках переводческого пространства.

Перейдем к описанию переводческого пространства.

Переводческое пространство мы представляем как целостную семантическую структуру нелинейной конфигурации, в центре которой расположено содержание текста. Вокруг него образуются энергетическое и фатическое поля, а также поля субъектов переводческой коммуникации: автора, переводчика, реципиента. Эти поля взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга. Их синергия обеспечивает динамику переводческого пространства, характеризующегося множественными связями с текучими, размытыми границами, где наряду с законами текстообразования действуют законы протекания творческих процессов сознания и вступают в действие лингвопереводческие законы транспонирования смыслов текста. Каждое поле транспонирует один из дифференциальных смыслов, а само переводческое пространство транспонирует интегральный смысл целого текста. Происходит проекция полей текста ИЯ в поля текста ПЯ и установление гармонии между ними как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания. Речь идет об относительной гармонии, т. е. текст перевода должен быть гармоничен относительно текста оригинала. Так, например, если информация заложена в подтекст произведения, наиболее разумным переводческим решением будет сохранение той же информации именно в подтексте, а не ее эксплицирование на поверхностном уровне, на уровне содержания.

Итак, в центре переводческого пространства — содержание текста. В лингвистической литературе существуют разные концепции понимания содержания текста. Мы остановимся на тех исследованиях, которые соотносят содержательную структуру текста со смысловой. Такой подход обусловлен необходимостью решения переводческих задач, требующих выявления закономерностей передачи смысла исходного текста в текст перевода, а не его содержания, разумеется, при условии, что содержание не идентифицируется со смыслом. Заметим при этом, что в переводческих исследованиях часто можно встретить мнение о том, что содержание и смысл есть синонимичные понятия. Так, В. Н. Комиссаров описывает смысловую структуру текста в трех направлениях: вертикальном, горизонтальном, глубинном [3, 4].

При вертикальном подходе смысловая структура текста приравнивается к описываемой в тексте реальности. Содержание текста рассматривается как бы сверху, от текста в целом к его частям: сначала выделяется общая тема, которая затем разбивается на подтемы.

Горизонтальная структура содержания текста создается содержанием каждой из его единиц, их взаимодействием, последовательностью расположения в тексте, а также различными типами связей между ними.

Глубинная структура содержания текста отражает процесс построения речевых высказываний и их включение в текст.

Важно отметить, что в освещении проблемы содержания текста В. Н. Комиссаров приходит к выводу о наличии разных уровней содержания, а соответственно, разных типов его соотношений со смысловой структурой текста. Если вертикальная и горизонтальная структуры соответствуют эксплицитно выраженному тексту, то глубинная структура ближе к имплицитному, именно ее можно рассматривать как идентичную смыслу текста.

Другой, наиболее распространенный способ понимания содержания текста представлен тема-рематическими моделями, в частности, выделение высказываний по типу моноремы, диремы (термины Л. А. Черняховской), предикатемы (термин Л. Н. Мурзина). Так, например, предикатема может быть выражена двумя типами конфигурации: цепочечной и кустовой [5].

В тексте цепочечной структуры развитие мысли идет от высказывания к высказыванию. Этот тип текста определяется как текст с последовательно меняющимися субъектами: рема первого высказывания тематизируется, выступает темой второго высказывания. В тексте кустовой структуры тема первого высказывания связана дистантными связями со всеми другими высказываниями, более подробно ее характеризующими. Текст кустовой структуры имеет одного субъекта.

Данный подход позволяет выделить единицы тема-рематического анализа: предикатема выступает единицей содержания текста. Следовательно, выявление переводчиком тема-рематической прогрессии равноценно описанию содержания текста. В этом нам видится первый уровень лингвопереводческого анализа текста, проводимый в рамках переводческого пространства.

В нашем исследовании мы определили содержание как носитель фактуального смысла текста, поскольку содержание включает в себя фактологическую информацию, инвариантную для переводчика. Фактуальный смысл транспонируется переводчиком наряду с другими дифференциальными смыслами, каждый из которых коррелирует с одним из полей переводческого пространства. Но он стоит особняком среди других разновидностей смысла. Фактуальный смысл не столь динамичен. Его гораздо легче осознать и передать. Образно говоря, он образует видимую часть айсберга, которая именуется смыслом. Итак, содержание мы рассматриваем как эксплицитный компонент интегрального смысла целого текста, а сам факту-

альный смысл, будучи инвариантом, отражает возможность некоторых содержательных расхождений между текстами ИЯ и ПЯ.

Перейдем к описанию полей субъектов переводческой коммуникации. Прежде всего, подчеркнем их человекоуточный характер и, не умаляя роли полей автора и реципиента, отметим ведущую роль переводчика в процессе взаимодействия. Приступая к переводу, к поиску смысла текста, переводчик непременно сталкивается с препятствиями.

Первое препятствие — поле автора. Смысл в текст закладывается автором. Ему предшествует предтекст, в котором автор прогнозирует основную идею текста, свои намерения, интенции, схему развертывания своей мысли, описываемых действий, событий, явлений и пр. Но текст, становясь предметом размышлений и действий переводчика, оказывается в результате самостоятельной сущностью. Он существует независимо от автора, приобретает «самость», а переводчик воспринимает предтекст в концентрированном виде, он пытается уловить смысл автора, и это совсем не значит, что смысл будет полностью воспринят. Задача переводчика — поиски смысла, заложенного автором. Как известно, бывает так, что переводчик обнаруживает смысл, о котором автор не догадывался в ущерб смыслу, который автор был намерен передать. Так происходит избыточное смысловое наполнение текста перевода. Но избыточность — непременное условие существования любого текста перевода.

Моделирование поля автора мы соотнесли с модальной организацией текста. Категория модальности широко представлена в исследованиях отечественных лингвистов (В. В. Виноградов, Г. В. Колшанский, В. З. Панфилов, Л. М. Лапп). Опираясь на исследования Л. М. Лапп [6], мы воспользовались категорией модальной тональности, раскрывающей специфику взаимоотношений субъекта с описываемой действительностью. Прагматическое намерение автора наиболее ярко проявляется в модальной тональности, что дало нам основание определить дифференциальный смысл, формируемый в поле автора как модальный.

Второе препятствие — поле реципиента. Переводчик создает текст для реципиента. Он планирует восприятие читателя. Текст перевода должен вписаться в контекст читателя, иначе он не будет им понят, либо окажется невостребованным. Создавая свой текст, наполняя его своим смыслом, переводчик проецирует его в поле реципиента. Адаптируя исходный текст для читателя в поисках эквивалента, переводчик подбирает такие лингвистические средства, которые будут понятны в той культурной среде, к которой принадлежит и он сам, и читатель.

Приведем пример. Высказывание на французском языке, которое звучит так: «*Viens à la maison prendre un café*» (букв.: «Зайди ко мне домой выпить чашечку кофе»), предполагает следующий предтекст:

1. Между собеседниками установились дружеские, неформальные отношения.
2. Разговор происходит днем.
3. Предполагается, что встреча продлится какое-то время.
4. Ни утром, после завтрака, ни вечером, после ужина, такое предложение не может быть сделано.

Во франкоязычной среде авторский смысл именно такой. При переводе на английский язык, учитывая англоязычного собеседника, переводчик адаптирует текст следующим образом: «*Let's have a cup of the*» (букв.: «Зайди ко мне на чашечку чая»). Если говорить о русскоязычной среде, предпочтителен английский вариант, т. к. выражение «Пить чай» означает и дружеское расположение, и беседу в любое время дня и ночи, и желание угостить.

Смысл, который отражается в поле реципиента мы назвали рефлексивным, т. к. реципиент, сознательно или подсознательно, рефлектирует смысловой поток, генерируемый автором и регенерируемый переводчиком.

Третье препятствие — понимание подтекста. Мы считаем, что поле переводчика формируется именно на основе подтекста, глубинного смысла высказывания, где смысловые связи текста образуют невидимые ассоциативные нити с личностью переводчика. Эти связи настолько разнообразны, что каждый переводчик извлекает свой подтекст, что является источником множества вариантов перевода одного и того же текста. Более того, один и тот же переводчик в разные периоды своего творчества по-разному понимает подтекст, глубина его ассоциаций зависит от многих факторов, что способствует формированию при каждом новом прочтении оригинала нового подтекста, а следовательно, нового перевода.

В поле переводчика модальный смысл инкорпорируется в индивидуально-образный — так мы назвали тот дифференциальный смысл, который отражает поле переводчика.

Рассмотрев препятствия в понимании смысла текста переводчиком, мы рассмотрели тем самым три поля в переводческом пространстве: поле автора, поле переводчика, поле реципиента.

Как мы уже отмечали, вокруг текста формируются еще два поля. Наше представление о них сводится к следующему.

Согласно утверждениям Н. Л. Мышкиной [7], текст обладает энергией, а энергия иррадирует смыслы. Благодаря энергии создается напряжение в развитии текста, что обуславливает его неопределенность и многозначность. В тексте пересекаются разные энергопотоки, что влечет за собой возникновение новых смыслов. Но если текст за счет своей энергетической природы многосмыслен, что удалось доказать Н. Л. Мышкиной, то в процессе перевода его смысловое поле расширяется, т. е. каждый из смыслов имеет право на эквивалентную интерпретацию. Трудно предположить, что текст может иметь единственный эквивалентный перевод. Энергетическое напряжение текста становится следующим — четвертым препятствием переводчика. Порождая свой собственный текст, переводчик закладывает в него некую энергию, которая вступает в противоречие с энергией исходного текста в целом. Постигая ее, переводчик продолжает выстраивать текст. Каждая его версия будет соответствовать сложившемуся на данный момент соотношению энергий. Вышеизложенное дало нам основание назвать дифференциальный смысл энергетического поля иррадирующим.

И наконец, в переводческом пространстве образуется фатическое поле текста, которое мы ассоциируем с культурологическим аспектом анализа текста. В широком смысле речь идет об интертексте [8], о взаимопроникновении текстов, культур, цивилизаций. Каждый текст существует только благодаря тому, что ему предшествовали другие тексты. Каждый текст может стать основанием для порождения другого текста. И этот процесс бесконечен. Фатическое поле текста неисчерпаемо, как и сама культура. Каждый переводчик имеет свой интертекст, свою совокупность текстов, которые отражают его интеллект, опыт, эрудицию, компетентность. Фатическое поле формирует свой смысл, и переводчик пытается проникнуть в него, опираясь на свой межкультурный опыт, свою переводческую картину мира. Мы назвали его ассоциативно-семиологическим.

Таким образом, мы попытались рассмотреть пять препятствий, с которыми сталкивается переводчик в переводческом пространстве. За каждым из них стоят свои поля, которые вступают во взаимодействие благодаря переводчику. Столкновение полей является тем механизмом, который порождает динамику смыслов.

Переводческое пространство можно представить схематически в виде солнечной структуры, реляционные свойства элементов которой могут быть проанализированы с целью выявления общих закономерностей, глубинных и сверхглубинных свойств процесса перевода. В центре переводческого пространства расположено

содержание текста — его ядро, вокруг которого образуются энергетическое поле и фатическое поле, а также поля субъектов переводческой коммуникации. Динамика переводческого пространства реализуется благодаря синергетическому взаимодействию и взаимовлиянию полей. Вместе с тем, переводческое пространство есть саморазвивающаяся система транспонирования смыслов: каждый субъект переводческой коммуникации транспонирует в переводческое пространство свой смысл. Это дает основание утверждать, что сам процесс перевода есть система транспонирования интегрального смысла текста.

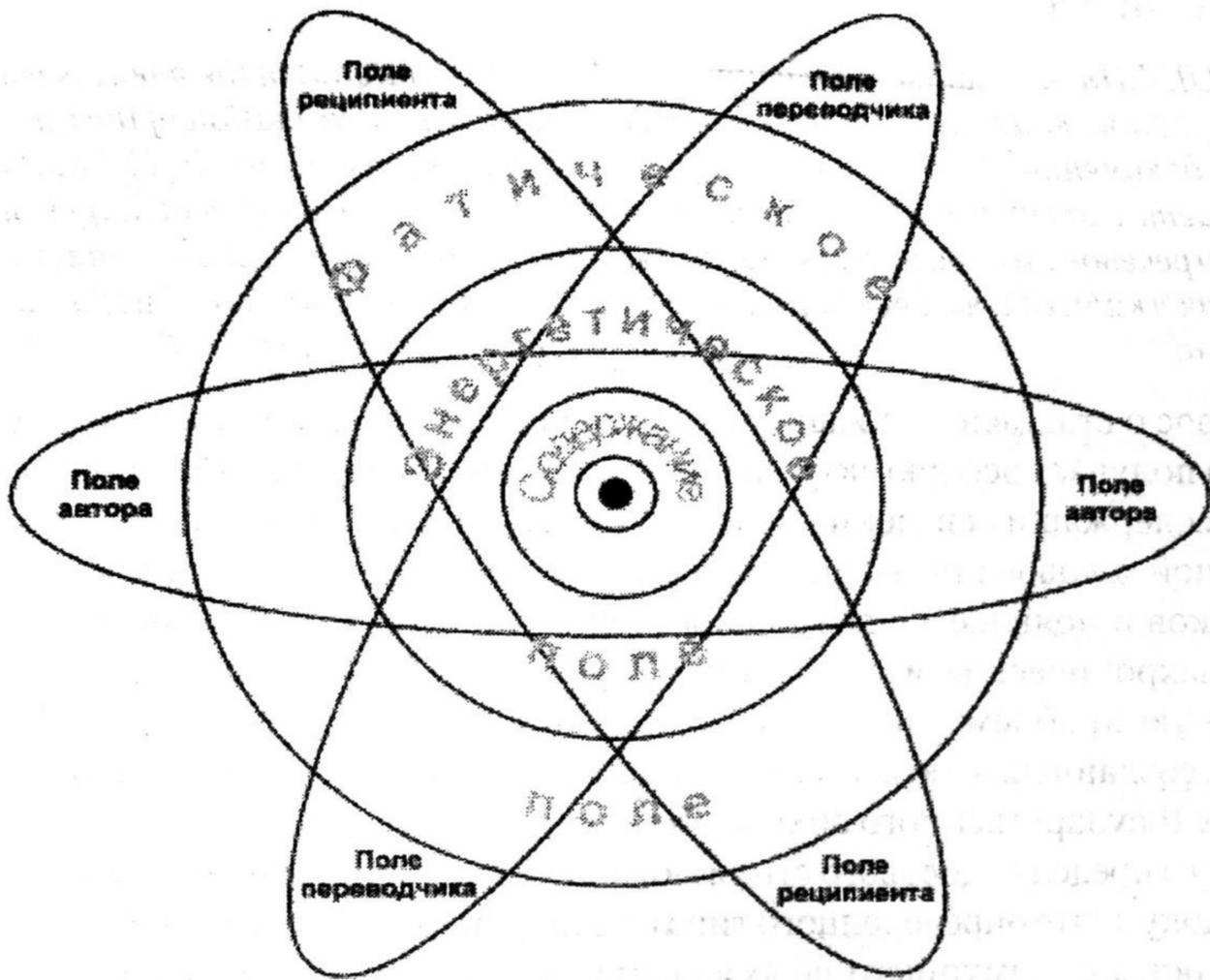

Схема 1

Как нам представляется, введение научной категории переводческого пространства, имеющего свою структуру, элементы которой связаны в единое целое отношениями и синергетическими взаимодействиями гетерогенных полей, могло бы привести к формированию новой тенденции рассмотрения процесса перевода — когнитивной парадигмы перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кушникова Л. В. Динамика переводческого пространства: Монография. Пермь, 2003.
2. Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учеб. для филол. спец. вузов. М., 2000.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. М., 2002.
4. Комиссаров В. Н. Лингвистическое переводоведение в России: Учебное пособие. М., 2002.
5. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
6. Лапп Л. М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». Иркутск, 1993.
7. Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. Пермь, 1998.
8. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 2000.